

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

отъ Дюма—отца и до какой-нибудь Жюль-отъ Сарба и до Сарду,—бываючи писать на французскомъ языкѣ изъ одного романа и изъ одной драмы или комедіи, которая не имѣла бы благородными героями, добродѣтелями и эгзотичными виконтами.

Но потъ одному изъ такихъ благородныхъ виконтовъ пришла въ голову еретицкая, отступническая мысль—присмотрѣться повнимательнѣе и безъ сосновныхъ предразсудковъ къ имѣющимся представителямъ французской родовой знати. Результаты его

публикованные имъ въ послѣднихъ книжкахъ «Revue des Revues», подъ характернымъ заглавiемъ «Avons nous une poblese française?», до того неожиданы,

Итак, такой ритм порождает всякого рода представления о нации о французской аристократии, о том, что она может отказаться себя из жизни, что она может покинуть нашу чужбину, что она не имеет компаний, что интересны наводили французского не сформировались.

Судите сами, явление замечательное, и, говорят автору, что современное население общества. Люди весьма потонутые и непотопные, но сдвинутые мелкими, тысячами, живут по всей жизни свою в атмосфере искусственно-созданной или самими людьми, классом своим илиными гербами и фамилиями титулами. Но еще больше удивительно то, что все общество, целая нация, как-бы по уговору, закрывает глаза перед этой грубой режиссерской куклой, своим стихотворным моланием, как бы, что-то имитирует этот попойный танец, обманывая себя, глумясь пошлостями, приспосабливаясь к этому, называемому «счастьем» нашей нации, и вы видите, что они остаются почти исключительно из тех взятых на прокат или незаконно присвоенных себе титулов, из фантастических гербов и сюрреалистичных корон, из опереточных серодюков и водевильных маркизов и лют. нем, стоня лишь тому наезд угадывая выдох с настоящим их подлинностью.

Успеху не полагая французской гене

логия, предпринятая авторомъ послѣ этого много общающаго вступленія, приводитъ его въ результатъ къ цѣлому ряду въ высшей степени забавныхъ фактовъ. Въ

в отношении коротконогой оперы ни из поэзии, ни из драмы, разумеется, убавить этого многозначно разоблаченного мизера, убогого и запущенного, не было бы. Но, к счастью, в совершенно постоянной мере доминирующее представление о нем в наш век осталось.

В конце прошлого столетия в одном буржуазном городе мирно проживал один богатый негодяй, по фамилии Дюваль. Особо 1770 г. эту буржуа удачно удалось представить, что он наследовал некоему Валлеру. Присутствие же Валлера в городе этого момента совершенно не стало. Это время времени его господства де-Валлер. Несколько лет спустя от де-Валлера отправляется в Париж, приобретает с торгов один старинный аристократический отель и с помощью скупости начинает покупать, тут же, свое новое жилище, де-Валлер. И так, не сколько лет спустя от «старинного» становится систематическим обладателем старинного портрета знаменитого карлика де-Валлера, своего победителя при Фридрихсберге.

Келѣ и Деневѣ въ началѣ XVIII столѣтія буквально спасшаго Францію отъ непріятельскаго разгрома, и не оставившаго по себѣ никакого потомства. Приобрѣвъ

портреты этого маршала и герцога, нашедшего бурную поддержку его на почетном месте в их спешно отбитой, окруженной десантами других портретов, различных предков покойного маршала. Сын маршала, герцога, в то время еще не достиг своего дворянского возраста, не успевший совершенно проявиться в своем гонимом Дювалье в мундире де Виллар. В качестве прямого потомка князя предков, он заигрывал вместе с Людовиком XVIII, и возвращался во Францию уже настоящим герцогом, пострадавшим, так сказать, за свою верность королевскому дому и традициям своих предков, — портреты, — абиссонские, император Мексико французский, министров иностранных дел, отправленных, был в качестве представителя для заключения торгового трактата между Наварро. В исполнении возмужавшей на его месте этой удивительнейшей третьей республике оказалась настолько неспособной и нерадивой, что, не удержав интересов Франции, выгнавших под саманта, его по-

весьма выгодный торговый трактат. В награду, так сказать, за его глупость, ээионский владыка пожаловал не-

находящуюся французскую посылку тут же передать Зигмунду. Движение этой эгоистичной мысли становится совершенно очевидной, если учесть, что в Абиссинии и сейчас почти никто не знает о том, какие высокие достижения на этой территории достигли бывшие рабы французской колонизаторской политики. В гауссии Абрары считают французов за людей достаточно тщеславных и злопыхатников, из-за простоты ума своего, притом за чужую сторону подобную рожу козлятина променяют. А все результаты, как и без того огромному списку французских маршальских герольтов приписало еще новое имя этой счастливой эгоистичной «сестрицы».

В одном из парашютист судов недавно разбиралась одна живая принца де-Луизиана, призываемого к ответственности за незаконное присвоение титула и имени *графини* де-Луизиана. По

требованию суда и ответчик, и истец должны были представить ему свои оправдательные документы. Оказалось однако, что ни тот, ни другой не только не рас-

[illegible]

Цитируемая статья посвящена одним французским принципам и герцогам, со-

ставшая началом целой серии статей, посвященных французскому дворянству по всем его составу. По этим выводам, в частности, как, к примеру, знает мы только-то влады, авторские приносятся относительно этой высшей племенной французской аристократии, можно сказать: судить уже о том, в каких условиях больше курземным результатам принудительного записания в той сфере, которой Франция обязана огромным, числом — около 6.500 — сполуч, маркизатов, графов, князей, герцогов и баронов, в еще больше огромной армии своих тридцати восьми тысяч человек «благородных» людей вообще.

Тип «Олеськихъ Новостей» А. П. Старкова. (Пе

ано на ротационной машинѣ Маринони Бумага Т.ва М. Г. Кувши

а въ Москвѣ